

Героическое в документальной прозе о Великой Отечественной войне середины 70—80-х годов

Со второй половины 70-х годов писатели-документалисты, работавшая героическую тематику, все больше внимания уделяют особенностям судьбы человека и его характеру. Д. Гранин, рассказывая о необычной жизни женщины-политрука пехотной роты Клавдии Вилор, отмечает: «А что же меня заставляло собирать и восстанавливать шаг за шагом эту ее долгую историю? Война накопила много подобных историй, героических, открывающих новые, невиданные пределы человеческого духа. Еще одна? Ну, что ж, еще одна. Но есть в ней, в этой истории Клавды Вилор, своя отдельность, хотя у каждой военной судьбы есть свое, непохожее. Так вот, прежде всего нельзя было пройти мимо этой истории. Наше писательское дело — собирать их, и как можно тщательнее, факт за фактом, свидетельство за свидетельством...» [5, с. 21]. «Отдельность ... непохожее», сугубо индивидуальное — ценно для художника. Не случайно В. Карпов скажет о своем герое, генерале И. Е. Петрове: «Ничто человеческое ему не было чуждо, но обладал он еще и такими качествами, которые отпущены не многим» [7, с. 6]. Эта яркость и «непохожесть» еще раз показывают, сколь многообразен реальный героический характер и как аккумулируются в нем лучшие народные черты. Внимание писателей сосредоточивается на личности, которая не только преодолевает крайне тяжелые обстоятельства, но, движимая великой гуманистической идеей, активно действует в любой ситуации, выполняя долг человека и гражданина. Появляются книги, в центре которых — судьба человека, внесшего большой вклад в победу советского народа над фашизмом: «Клавдия Вилор» (1977) Д. Гранина, «Я не боюсь не быть» (1982) Е. Воробьева, Д. Кочеткова, «Капитан дальнего плавания» (1983) А. Крона, «Внимание: «Молния!»» (1983) В. Кондратенко, «Медведев» (1985) Т. Гладкова, «По следам подвига» (1986) Т. Васина, «Командир «С-7» (1986) В. Азарова, «Верность океану» (1986) С. Зонина и др. Особое значение приобретает книга С. Алексиевич «У войны — не женское лицо» (1984), так как ее героини, бывшие фронтовички, сами осмысливают свою судьбу.

Отличительной чертой творчества этих писателей является стремление расширить возможности документализма в изображении личности, найти пути «реалистического обобщения, выходящего за пределы обрисовки человеческого характера» [13, с. 73], не нарушая подлинности фактов. Многие произведения имеют нечто общее с мемуарами: авторы, как правило, лично знали героев. Использовались также различные документы,

письма, воспоминания и др. Сопоставляя весь обширный материал, организуя его в целое, повествователь оставался главной фигурой. Блестящий пример этого — книга М. Шагинян «Четыре урока у Ленина». Документалисты, пишущие о войне, в раскрытии характера способами «невыдуманного» отражения шли уже за ней, но не повторяя ее. «...Мемуары, если они мастерски написаны, — подчеркивал В. Белинский, — составляют как бы последнюю грань в области романа, замыкая ее собою» [2, с. 316]. Книги Д. Гранина «Клавдия Вилор», В. Карпова «Полководец», А. Крона «Капитан дальнего плавания» и других писателей несколько отодвинули эту грань, расширив категорию художественного. Как и для всякой документальной литературы, для них характерна открытость* и обнаженность приема. В частности, В. Карпов начинает повествование с лирического монолога: «Я счастлив, что жизнь свела меня с ним (И. Е. Петровым. — Л. О.). Судьба моя сложилась бы иначе, менее интересно, хотя, возможно, и не так трудно, если бы я не встретился с этим человеком. Он постоянно был в моей душе, хотя многие годы реально находился где-то далеко. Я не был его другом, но не был для него и сторонним человеком» [7, с. 3].

Лирическое определение себя по отношению к своему герою является ключом к эмоциональному тону книги. В то же время доминирующим фактором остается исследовательский пафос, тяга к объективности: автор стремился «как можно чаще давать слово» очевидцам, «все рассказанное подкрепить документами» [7, с. 5]**.

Очерк-портрет И. Е. Петрова является своеобразным зачином. В. Карпов рисует хорошо знакомого ему с юности человека. Внешность генерала обычная: «Был он худощав, выше среднего роста, загорелый ... португепи через оба плеча ... и при такой типичной командирской внешности — какой-то нестрогий, а очень добрый, докторский взгляд из-за стекляшек пенсне» [7, с. 8]. Но было в нем такое, что заставляло В. Карпова поставить вопрос: кто же он? Проникая в глубины характера при помощи «документального зонда», писатель героическое рассматривает в тесной связи с подвижничеством. Города-герои — Одесса, Севастополь, Керчь, Новороссийск вспоминаются при имени генерала. Здесь обнаруживается открытость текста, или «завершенная незавершенность». Чтобы ответить на вопрос «кто он? в чем его незаурядность? каково его мужество?», необходимы факты. Однако «факт — еще не вся правда, — писал М. Горький, — он — только сырье, из которого следует выплавить, извлечь настоящую правду искус-

* Я. Явчуновский аргументированно доказал, что «открытость» действительности... не формальный прием, но содержательный признак документалистики [14, с. 159].

** Особенности палитры документалиста определяются материалом и индивидуальным видением художника. Большинство авторов — С. Смирнов, К. Симонов, А. Адамович и др. — предпочитают сдержанную манеру изображения.

ства» [4, с. 296]. Особенность книги состоит в том, что правда «выплаывается» как бы на глазах читателя, благодаря активизации его воображения [6, с. 31]. «В книге, — пишет В. Карпов, — будет много цитат, но я пользуюсь ими не как принято в научных трудах, для меня цитаты — такое же изобразительное средство, как в мозаике цветные плиточки <...>. Мозаика эта — я надеюсь — поможет воссоздать личность Петрова, а также наметить хотя бы контуры времени, эпохи, тех важнейших событий, которые из прапорщика царской армии сформировали советского полководца, видного военного деятеля, горячего патриота, безаветно служившего Родине» [7, с. 6].

Размышление о том, как будет организовано повествование, история возникновения замысла, причины отсрочки его выполнения — все незаметно выливается в характеристику героя. В сущности это — опосредованное описание, способ создания образа. В собственно художественном творчестве такой прием получил классическое выражение в поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». В документалистике его по-своему применяют А. Крон, В. Карпов и др. Разговоры о мастерстве, целях книги, понимании положительного героя*, спроецированные уже на главное действующее лицо, определяют характер произведения, в котором лиризм становится одним из основных элементов структуры целого. Прием играет и другую важную роль: он активизирует исследовательское начало, помогая ответить на вопросы, касающиеся самой сути героического характера, его истоков и форм проявления.

В. И. Ленин говорил о необходимости «... готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь...» [1, с. 376]. Такими людьми были Поль Арман («Я не боюсь не быть» Е. Воробьева, Д. Кочеткова), Клавдия Вилор («Клавдия Вилор» Д. Гранина), Александр Маринеско («Капитан дальнего плавания» А. Крона), Николай Ватутин («Внимание: «Молния»!» В. Кондратенко), Иван Петров («Полководец» В. Карпова), Алексей Кортунов («Слово о командире полка» В. Карпова), К. Рокоссовский («Сказание о Рокоссовском» И. Свистунова), С. Лисин («Командир «С-7» В. Азарова), Л. Владимирский («Верность океану» С. Зонина), И. Плиев («Сабельный удар» Т. Джатиева) и др. К главному жизненному подвигу они пришли не случайно: к этому вели их идеалы, устремления и социальные условия, которые они создавали и защищали. Типологические черты героев очевидны: преданность коммунизму, талантливость, помноженная на знание, упорство, трудолюбие, дисциплина, высокое чувство ответственности, мужество, коллективизм и т. д. Показанные в окружении незаурядных людей,

* Интересен взгляд Л. Егоровой, А. Минаковой и других на взаимодействие категорий народного, героического характера с категорией положительного героя.

они воспринимаются как частица великого народа и дают яркое представление о народе в целом. Само героическое в них — это необходимый способ защиты народных интересов.

Однако, «чтобы передать общую сущность данного состояния мира, — отмечает Г. Гачев, — писатель должен как можно более конкретно воспроизвести индивидуальные ситуации и характеры. Теперь индивид стал своеобразен...» [3, с. 22]. Заслуга советских писателей состоит в том, что они сумели раскрыть своеобразие реальных событий и лиц эпохи 1941—1945 гг. средствами документализма.

Важным принципом раскрытия сущности героического в современной «невыдуманной» прозе является принцип противостояния.

«Когда-то здесь в единоборстве славянский юноша сбросил с седла на землю печенежского богатыря ... Отрок русский «перевя славу от печенегов», — вспомнились Ватутину слова старинной летописи, и он подумал о том, что в этих краях и нашим воинам придется «выбивать из седла» потомка древних псов-рыцарей Манштейна вместе с его группой армии «Юг» [9, с. 46]. Так описывает В. Кондратенко мысли Ватутина, перед взором которого возник древний город Переяслав. В них выражено осознание противоборства, легшего в основу сюжетно-композиционного построения книги: главы о Ватутине чередуются с главами о Манштейне, противнике сильным, опытным, коварным и жестоком.

Особое место в композиции повести занимает оперативная карта — своеобразное поле встречи с неприятелем. «Оперативная карта! Это схватка умов двух противоборствующих армий и, конечно же, судьба войск, их победа или поражение. Склоняясь над ней, командующий фронтом должен предвидеть ход и исход самых напряженных сражений. Он отвечает за них перед Родиной» [9, с. 144]. Главы о Тегеранской конференции подчеркивают меру ответственности генерала, принимающего решение, не только перед будущим своего народа, но и Европы, и мира. Оперативная карта превратилась в метонимический образ, символизируя важное звено в исторической цепи. И Ватутин, и Жуков проявляли мужество мысли и действия. Характер Ватутина разрабатывается как характер героический, — в любой обстановке он сохраняет верность самому себе. Попав в бандитскую засаду, Ватутин не бежит с поля боя: «Крайнюков подползает к Ватутину.

— Николай Федорович, у вас в портфеле карта с оперативными планами, отходите.

— Командующий не может в беде оставить своих солдат. <...>. — Митя, с портфелем немедленно в Гошу. Он никому не должен достаться. Помни: никому! ... — Товарищ командующий ... — Глушко в нерешительности замялся. — Я с вами ...

— Выполняйте приказ!» [9, с. 173].

Это последний бой генерала, солдата и человека. Уходя из жизни, «он думал о жене, о детях и все чаще с тревогой

вспоминал о матери. Она совсем недавно потеряла на фронте двух сыновей. Его братья — сапер Афанасий и танкист Семен — скончались от тяжелых ран. А теперь ...» [9, с. 182]. Так героизм сыновей находит продолжение в героизме матерей.

Манштейн в это время полон других забот: необходимо улизнуть от ответственности за геноцид в Крыму, за расстрелы в Николаеве и Херсоне. «... выгодно будет, то и прикинуться опальным фельдмаршалом, пострадавшим за свое несогласие с решениями диктатора. ... Можно будет сослаться на приказы Гитлера. О нет! К дьяволу все ссылки. Никаких приказов не читал и не подписывал. Не знаю ... Не помню ...» [9, с. 182].

Мысли Ватутина ... «Заботы» Майнштейна ... Сопоставляя их, художник помогает понять нравственную основу героического характера советского человека, действия которого всегда связываются с высокими и благородными устремлениями.

В повести В. Карпова «Полководец» для раскрытия полководческих и личностных качеств главного героя произведения широко используется прием противопоставления документальных характеристик генерала И. Е. Петрова и его противников — Антонеску, Манштейна, Клейста. Портреты врагов служат определенным фоном, на котором отчетливее виден И. Петров, «человек крупного масштаба, большой культуры, с широким политическим кругозором. И боевой» [7, с. 216]. «...Третий противник Петрова получил высшее военное звание фельдмаршала, — пишет В. Карпов. — Первым был Антонеску — просмотрел отход Приморской армии Петрова и вступил в пустую Одессу; вторым — Манштейн, который 250 дней не мог с превосходящими силами взять Севастополь, обороняемый отрезанной от всей страны, истерзанной в боях армией Петрова. И вот третий — новоявленный генерал-фельдмаршал Клейст» [7, с. 262], потерпевший поражение на терском рубеже. Характеризуя врага, В. Карпов одновременно подчеркивает нестандартность мышления Петрова, его умение ставить и решать военные задачи.

Соперничество с противником принимало порой неожиданный оборот дела и для подводника А. И. Маринеско («Капитан дальнего плавания» А. Крона). «Погоня шла уже два часа, а нужного опережения все не получалось. И тогда командир принимает решение, быть может, еще более рискованное, чем атака со стороны берега, — форсировать двигатели» [10, с. 132]. Снова противостояние, снова: кто кого? В этой ситуации А. Крона интересовало прежде всего состояние духа командира и подчиненных. Что думает человек, идя на подвиг? «...Я видел на их лицах, — пишет А. Крон, — ответ холодного вдохновения. ... Упоение боем, азарт преследования, радость, которую приносит власть над событиями, — и наряду точнейший расчет, неослабевающее внимание к быстро меняющейся обстановке, требующей трезвой оценки и мгновенных решений» [10, с. 134].

Однако подобные свойства присущи и противнику. Было ли то, что отличало в этом противоборстве советских бойцов и командиров, что придавало особый оттенок их героизму? Капитан А. Маринеско меньше всего размышлял о невыгодных последствиях для себя лично в случае провала операции. Это качество присуще и генералу И. Е. Петрову, и Н. Ф. Ватутину, и П. Арману, и многим другим, о ком писали советские документалисты. Беспредельная любовь к Родине, благородная миссия защиты ее от врагов, характер коммуниста — все это обязывало брать на себя большую ответственность. Так, герой книги В. Карпова генерал Захаров в последние мирные часы отдал приказ вывести войска из казарм и перевести самолеты на полевые аэродромы: сохранив их от бомбежки, он оказал большое сопротивление агрессору; генерал Петров настаивает на плане одновременного отвода войск из Одессы; генерал Ватутин («Внимание: «Молния!» В. Кондратенко) решает усилить Лютеж, чтобы внезапно ударить по противнику, скрыто перебросить ударные силы фронта. «Легко переставить флажки... А как незаметно для противника перебросить такую силу на новый плацдарм?» [9, с. 83]..

Используя прием противопоставления как средство раскрытия героического, писатели-документалисты придерживались принципа объективности и реализма. К. Симонов писал: «Я никогда не принадлежал к людям, считающим, что нужно принижать врага, даже самого кровавого, преуменьшать его силу или отказаться признавать за ним то, что в нем действительно есть — ум или храбрость, или мужество отчаяния» [12, с. 767—768]. Анализ художественно-документальных произведений показывает, что и другие писатели придерживаются этой позиции. Сам прием возник еще в годы войны и широко применялся в литературе. Достаточно назвать такие книги, как «Народ бессмертен» (1942) В. Гроссмана, «Волоколамское шоссе» (1944) А. Бека, «Судьба человека» (1956—1957) М. Шолохова, «Блокада» (1968—1974), «Победа» (1982) А. Чаковского и др. Г. Коновалов в романе «Истоки» (1959) противопоставил «династии» немецкого фельдмаршала Вильгельма Хейтеля династию Крупновых, потомственных рабочих. Перед нами во всем величии встают идеи интернационализма, коммунистического гуманизма.

Создавая героический характер реальной личности, современные писатели-документалисты прибегают к приему противопоставления. Здесь нельзя не отметить характерную особенность: героическое является логическим выражением устремления народа, его воли. И. Петров, П. Арман, А. Маринеско и другие выдающиеся личности показаны в окружении соратников, с которыми они слаженно работали, достигая высоких целей. Вне этих условий невозможна концентрация героических усилий, невозможна победа.

Чрезвычайно важно еще одно обстоятельство: герой современной документальной прозы, проявляя храбрость, рискуя со-

бой, умеет ценить жизнь других людей. В. Карпов с теплотой пишет о своем командире А. Кортунове: «...Он был, пожалуй, самым бережным по отношению к моей жизни человеком» [8, с. 1].

Таким образом, проблема героического тесно связывается с проблемой ответственности за каждого человека. В собственно художественном творчестве она ставилась К. Симоновым («Живые и мертвые»); Ю. Бондаревым («Горячий снег»), В. Быковым («Его батальон») и другими авторами. Документальные произведения середины 70—80-х годов обогащают литературу изображением подлинных ситуаций и судеб, в чем проявляется существенная сторона историзма, свойственная произведениям социалистического реализма.

1. Ленин В. И. Насущные задачи нашего движения // Полн. собр. соч. Т. 4. 2. Белинский В. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 9. 3. Гачев Г. Жизнь художественного сознания. М., 1972. 4. Горький М. По поводу одной полемики // Собр. соч.: В 30 т. М., 1949—1955. Т. 26. 5. Гранин Д. Клавдия Вилор. Л., 1980. 6. Дубровин А. Типическое. М., 1979. 7. Карпов В. Полководец. М., 1985. 8. Карпов В. Слово о командире полка // Лит. газ. 1984. 9 мая. 9. Кондратенко В. Вниманию: «Молния!» К., 1983. 10. Крон А. Капитан дальнего плавания. М., 1984. 11. Проблема положительного героя в советской многонациональной литературе 60—70-х годов. Ставрополь, 1983. 12. Симонов К. Разные дни войны: Дневник писателя: В 2 т. 1942—1945. М., 1977. Т. 2. 13. Храпченко М. Художественное творчество, действительность, человек. М., 1978. 14. Явчуновский Я. Документальные жанры. Саратов, 1974.

Статья поступила в редколлегию 09.09.85

М. М. Радецкая, доц.,
Ворошиловградский пединститут

Образ поколения (стихи о поэтах — участниках Великой Отечественной войны)

Проблема положительного героя всегда была актуальной. 40-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне усилило интерес к теме героического подвига поколения. Громадный вклад в общее дело Победы вносили произведения поэтов — участников войны, ставшие песней, стихом, сборником, переписанные в письмах-треугольниках, идущих с фронта.

Собирательный образ поэтов тех лет, не вернувшихся с войны, дал Марк Лисянский в стихотворении «Умиряли поэты»:

Поднимались рассветы
В беспощадном огне.
Умиряли поэты
На великой войне.
Умиряли и пели
В полный голос любви